

ПУ СУНЛИН

Странные истории

Пу Сунлин
Странные истории
Серия «Магистраль. Главный тренд»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53663583
Странные истории: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-204914-9

Аннотация

В рассказах знаменитого китайского писателя Пу Сунлина (1640–1715), известного также под псевдонимом Ляо Чжай, решительно сметены границы между миром действительным и миром волшебной феерии. Это изысканные, по-настоящему странные истории, тончайшие и мудрые восточные сказки.

Содержание

Предисловие переводчика	5
Химеры Пэн Хаогу	11
Хэннян о чарах любви	26
Чжэнь и его чудесный камень	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пу Сунлин

Странные истории

© Алексеев В., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Предисловие переводчика

Настоящий сборник рассказов Ляо Чжая непосредственно продолжает собою два предыдущих и не нуждается в особых предисловиях. Однако для читателя, не знакомого с предыдущими сборниками, выпущенными, кстати, позже, чем были готовы переводы, вошедшие в настоящий сборник, может быть полезным знать вкратце нижеследующее.

Эти рассказы, созданные, вероятно, в начале XVIII века, но получившие распространение не ранее конца того же века, написаны в оригинале китайским классическим языком, демонстративно отдаленным от разговорного. Поэтому и перевод их есть лишь перевод приблизительный, особенно в диалогической части, ибо русский язык не знает непроизносимого, вернее, неслышимого, литературного языка.

Фантастика, составляющая все содержание этих «Записок о странных вещах», является, тем не менее, лишь фоном для произнесения приговора над характерами и действиями выведенных в рассказах лиц – приговора, идущего исключительно из идеологии Конфуция. Эти рассказы, таким образом, являются типично китайскими не только по фабуле и обрисованной ею обстановке, но и по самому ценному для историка литературы и всякого просвещенного читателя – по оригинальной оценке такого же оригинального материала.

Вкратце вся идеология Ляо Чжэя может быть представлена так. Человек, особенно ученый, литературно образованный и сам литератор, не может создать своего земного счастья, ибо удел этого счастья отчасти предписан фатумом, отчасти зависит от его собственной личности, так что он может принять в себя от счастья только то, что в состоянии хранить. Он, как сосуд, вберет в себя и выдержит только то, что ему положено. Счастье же, как нечто незаслуженное и немислимое, может вывести из человеческих ограничений только человека особого, с неограниченно великим духом. Мелкий, дюжинный человек пройдет мимо него, упустит его, даже не заметив, что оно к нему приходило.

Однако, поскольку дело касается личности, ученый, склонный к ее совершенствованию в свете своей науки, может и должен на свое счастье повлиять. Его прогресс и есть подготовка к принятию этого счастья. Но если он понимает науку лишь как формальную тренировку карьериста, то он обманывает себя, но отнюдь не свое счастье: оно не считается с узкими взглядами узкого человека.

Таким образом, существует лишь один тип человека, приближающегося к совершенству, – это тип ученого, просветлевшего в науке и опознавшего в ней великую истину о суверенном добре, которое не знает никаких компромиссов. Суждение этого человека о вещах мира и есть истина. Он и в счастье, и в несчастье одинаков, ибо суждение о вещах важнее самих вещей. Но так как таковым был только Конфу-

ций, а все остальные его последователи лишь более или менее таковы, то их задевают вещи, и они реагируют на вещи постольку, поскольку в тех заметно приближение к идеалу или отклонение от него.

Это суверенное суждение совпадает и с фатумом, который искушает, но никогда не губит настоящего человека. И если на земле его не ценят и он в капкане у злых людей и обстоятельств, то его ценят там, где, вероятно, есть свобода от надуманных людьми условностей, в мире блаженных полулюдей и духов.

Но нет ничего подлее жадного к вещам человека-полуживотного, искренне чтящего и понимающего лишь то, что вкусно и приятно. Его презирает счастье и, коснувшись его, казнит его точно такую же долю злосчастья.

Рассказ покажет, как шел на мираж счастья достойный и недостойный человек и как трагедия его личности, начавшаяся моментом его встречи с немислимым, превратилась или в злой фарс, или в катарсис, жизнь «прямую» и настоящую.

Что ж это за счастье, даруемое фатумом и многообразными его агентами в виде духов, бесов, оборотней и необыкновеннейших людей? Это богатство, это почет, это и слава, это и любовь. Но только любовь способна проявить в человеке им самим не созданное, и рассказы Ляо Чжая чаще всего рассказы о любви, не знающей пределов, и о любви-пародии, маразме жалких полуживотных.

В этот сборник вошло много рассказов, предназначав-

шихся для второго тома «Лисьих чар», но так как, по мнению многих моих друзей, высказывавшихся по поводу этой первой книжки, искусственное сюжетное соединение производит на читателя расхолаживающее впечатление монотонности, я, не соглашаясь с ними, все же подчиняюсь их совету и даю выбор рассказов иной, не соединенный в одну общую идею, и рассказы о лисицах чередуются с другими, развязка которых не угадывается по соседству.

По поводу выпущенных мною переводов появился только один компетентный отзыв лица, имевшего возможность сравнить мои переводы с оригиналом (№ 5 «Востока»), но этот именно отзыв и поощряет меня к дальнейшим переводам сборника фантастических рассказов, пленяющего даже тех китайцев, которые, по своей недостаточной подготовке, могут читать его, что называется, с пятого на десятое, пропуская шедевры литературного мастерства, рассчитанные на получивших полное классическое образование старого Китая, в новом уже прекращенное.

В последнее время появилось очень любопытное издание рассказов Ляо Чжая, переведенных с классического языка на разговорный фразы за фразой. Уничтожив, таким образом, тот самый язык, который и составляет, как и во всяком другом литературном произведении, единственное его достоинство, оставили фабулу, но и она, по искусному своему ведению и крайнему богатству, может пленять, как пленяет остроумный сам по себе анекдот, рассказанный вяло и пошло.

Тем не менее я даю только опыт перевода Ляочжаевых новелл, но не самый перевод, ибо компромисс – не решение вопроса. В самом деле, мне самому не менее, чем свежему читателю, ясно, что читаемость моего перевода далеко отстоит от читаемости обычных переводов и что, таким образом, я отошел от принципа перевода-пересказа, наиболее приемлемого для читателя этой книги, наряду со всякою другой, также переводною. С другой стороны, и в смысле научно-филологического перевода этот перевод также не решение вопроса. Для этого нужно было бы выбросить местоимения, перевести диалоги без вмешательства разговорных вставок, а главное, избежать всяких следов разговорно-обычного языка. Этот лабораторный перевод потребовал бы совершенно иных примечаний, и притом в таком количестве, которое превысило бы текст в сотню раз.

Не желая повторяться, я предлагаю читателю обратиться за подробными предисловиями, очень важными для понимания происходящего на следующих страницах, к первым двум выпускам моих переводов.

Перевод мой по-прежнему рассчитан не только на читателя, незнакомого с оригиналом, но и на лиц, которые всегда имеют возможность судить меня со стороны точности перевода и даже манеры выразить эту точность настолько, чтобы она не мешала книгу читать. С этой стороны я считаю свои книги переводов учебными книгами, что и было неоднократно подтверждено компетентными людьми, которых и в даль-

нейшем при рецензии моих переводов прошу обращать внимание на мою в этом отношении эволюцию.

1928

Химеры Пэн Хаогу

Лайчжоуский студент Пэн Хаогу в своем загородном доме сидел над книгами. До семейного дома было очень далеко, наступила уже, как говорится, средняя осень¹, а вернуться к родным все не удавалось – и ему без друзей и без компании было скучно, тоскливо. Здесь, в деревне, думалось ему, не с кем поговорить. Есть, правда, некий Цю, известный здесь литератор, но в нем было что-то непонятно отвратительное, и Пэн обращался с ним небрежно.

Луна уже взошла², и Пэну стало еще скучнее. Делать нечего – пришлось, как говорится, «заломить планку»³ и пригласить к себе Цю.

Сели пить. Пока пили, кто-то постучал в ворота. Мальчик, прислуживавший в кабинете Пэна, вышел к дверям. Оказалось, какой-то молодой ученый желает видеть хозяина. Пэн вышел из-за стола и чинно попросил гостя войти. Обменялись приветствиями, сели в кружок. Пэн спросил, где гость

¹ *Средняя осень*. – Каждое из четырех времен года китайцы делят еще на стадии: сильную, среднюю, последнюю. «Средняя осень» приходится на восьмой месяц лунного календаря. Это – особенно 15-го числа – праздник луны, семейный и торжественный.

² *Луна уже взошла*. – Очевидно, полная луна 15-го числа.

³ ...«заломить планку» – метафора для понятия «писать письмо», основанная на том, что древним материалом для письма китайцам служил бамбук, расщепленный на планочки.

живет и из какого он рода.

– Я из Гуанлина, – сказал гость. – Фамилия у нас с вами, сударь, одинаковая, а величать меня Хайцю. Эта прекрасная ночь застала меня в гостинице, и мне стало как-то особенно тяжело. До меня дошли слухи о вашей высокой и тонкой образованности, и вот я являюсь к вам без всякого третьего лица!..

Пэн оглядывал говорившего. Холщовое платье⁴ на нем было чисто и опрятно. Говорил он и улыбался с непринужденной, живой текучестью. Пэну он очень понравился.

– Вы, значит, – сказал он радостно, – мой сородич...

Вечер этот, что за вечер?
Гостя милого встречаю! –

Он велел подать вина, угощая гостя, как давнишнего приятеля. Он заметил по настроению гостя, что тот как будто сильно третирует Цю. И в самом деле, когда Цю с почтением пытался втянуться с ним в беседу, гость отвечал надменно и бесцеремонно. Пэну было стыдно и неловко за Цю. Он постарался вмешаться в их разговор и предложил начать с народных песен под общую выпивку. Поднял глаза к небу,

⁴ *Холщовое платье*. – Скорее метафора, чем выражение, конкретно передающее существо дела. «Холщовым платьем» называется в литературе скромный наряд китайского ученого – по-видимому, для антитезы с его прихотливым и богатым внутренним содержанием.

кашлянул раз-другой и запел про фуфэнского молодца⁵. Весело смеялись.

– Ваш покорнейший слуга, – сказал гость, – напевать не мастер, так что нечем отблагодарить, как говорится, за «Солнечную весну»⁶. Нельзя ли кого нанять за меня?

– Как прикажете, – сказал Пэн.

– А что, у вас в Лай нет ли какой-либо известной певицы?

– Нет, не имеется, – отвечал Пэн.

Гость погрузился в молчание и так сидел довольно долго. Потом обратился к мальчику.

– Вот что, – сказал он, – я только что позвал кой-кого... Там, за воротами... Проводи-ка сюда!

Мальчик вышел и действительно увидел какую-то девушку, прохаживающуюся перед дверями дома. Мальчик поманил ее и привел к гостям. Ей было лет дважды восемь, может быть, несколько больше... Живым-живая бессмертная фея!

Пэн был совершенно ошеломлен... Усадил ее... На ней была ивово-желтая накидочка, и запах ее духов сразу же наводнил все углы.

– Ну что, – спросил ее участливо гость, – очень трудно

⁵ ...запел про фуфэнского молодца – из произведений великого поэта VIII в. Ли Во.

⁶ «Солнечная весна» – одна из песен, которые, по свидетельству древнего поэта Сун Юя, своею изысканностью были доступны лишь ограниченному кругу людей. Следовательно, перед нами – выражение вежливости: «тонкая», «достойная» песнь; выражение это употреблено здесь с явной иронией, принимая во внимание предыдущую речь о «народных» (деревенских) песнях.

небось было бежать за тысячу ли?

– Как же, как же, – с улыбкой сказала дева.

Пэн был весь удивление и стал было ее расспрашивать, но гость уже обратился к нему.

– Очень жаль, – сказал он, – что в ваших местах здесь нет красавиц... Я вот и позвал ее сюда с лодки, плывшей по Западному озеру!..⁷ Вот, милая, вы сейчас только что в своей лодке пели про легкомысленного молодца, – обратился он к деве. – Это очень мило! Пожалуйста, спойте нам это еще раз!

И дева запела⁸:

Человек без страсти, чувства и любви,
Ты повел уж коня мыть на весенний прудок...
Вот уж голос твой томительно далек...
А над Цзяном свод небес так чист, высок,
И в горах так слабо светит лунный рог!
Ты тряхнул головой – нет, не вернешься ко мне,
На дворе ж поутру белым-белеет восток.
Не ропщу, не виню долгой разлуки года,

⁷ *Западное озеро (Сиху)* – знаменитое своей красотой, как природной, так и приумноженной многовековыми стараниями поэтов, находится у города Ханчжоу, в провинции Чжэцзян. Если провести от Лайчжоу, где сидят собеседники, о которых здесь речь, простую прямую линию (через моря, озера, реки, болота, горы) к Западному озеру, то и тогда в ней будет не менее 750 километров, что даст не тысячу ли, как говорит Хайцю, а около полутора.

⁸ *И дева запела.* – Перевод следующих далее в тексте строк, ввиду того что это песня с неустойчивым ритмом, а главное – с одною текущей рифмой, сделан более в сторону приблизительной музыкальной передачи, нежели абсолютной точности.

Горько лишь знать: счастья короток часок.
Где ты будешь ночевать, скажи, дружок?
Не лети, как летит ивовый в ветре пушок!
Даже если не быть знатным маркизом тебе⁹,
Никогда не ходи в дом, где лянцунский цветок!¹⁰

Гость достал из чулка яшмовую флейту¹¹ и дул в такт ее пению. Кончилась песня – остановилась флейта.

Пэн был вне себя от изумления, сидел и непрерывно хвалил.

– От Западного озера до нас разве одна тысяча ли? И вдруг вы что-то крикнули – а приглашенная уже здесь! Уж не бессмертный ли вы волшебник?

– Ну, о бессмертном смею ли я и говорить, – ответил гость. – Просто я, знаете, смотрю на десятки тысяч ли, как на свой двор! А вот что, господа: сегодня вечером на Западном озере воздух и луна великолепны как никогда. Нельзя, право, чтоб нам туда не заглянуть! Могли ли бы вы идти за

⁹ *Даже если не быть знатным маркизом тебе* – ради чего только и имели бы смысл долгие отлучки из дому. Выражение это взято из поэзии и ее гиперболического языка, коренящегося в древних текстах.

¹⁰ *Линьцун* – место, где поэт Сыма Сянжу (II в. до н. э.) встретился с Чжо Вэньцзюнь, бросившей все и побежавшей делить с ним его скромную судьбу: она провидела в нем будущего великого человека.

¹¹ *...достал из чулка яшмовую флейту.* – Китайский чулок шит из белого холста и скорее напоминает нам высокий сапог с голенищем. Очевидно, у гостя был чулок монашеского типа, не запрятываемый в штанину и не перевязываемый у щиколотки.

мною туда погулять?

Пэн согласился, желая внимательно присмотреться к странным причудам гостя.

– Очень буду рад, – сказал он.

– В лодке? На коне? – спросил гость.

Пэн подумал и решил, что в лодке будет интереснее.

– Хотелось бы в лодке, – ответил он.

– Здесь у вас, – сказал гость, – скричать лодку будет, пожалуй, далековато. А вот на Небесной реке¹² – там, наверное, должен быть перевозчик!

С этими словами он помахал рукой кому-то в воздухе.

– Лодка, сюда! – крикнул он. – Эй, лодка, сюда! Мы хотим ехать на Западное озеро... За платой не постоим!..

Не прошло и мгновенья, как из пространства слетела к ним ярко расписанная ладья. Ее окружали со всех сторон пары-тучи. Все влезли в ладью и видят, что в ней стоит человек с коротким веслом в руках, а к веслу плотными рядами приткнуты длинные перья, так что оно с виду напоминает перовой веер.

Человек взмахнул веслом – и чистый ветерок загудел вокруг них, а ладья стала плавно вздвигаться и уноситься в выси туч. Она плыла по направлению к югу – мчалась, как стрела.

Миг – и она уже опустилась на воду. В лодке слышно было лишь томление-гудение скрипок и флейт; в уши вонзались

¹² ...на Небесной реке – то есть на Млечном Пути.

звуки поющих. Вышли, стали смотреть. Луна отпечаталась в волнах, одетых туманом, и гуляющих на озере – людная улица!

Рулевой перестал двигать веслом, предоставив теперь лодке плыть самой. Всмотрелись пристальней – и впрямь. Это было Западное озеро.

Тогда гость прошел на корму, достал оттуда диковинные яства и чудесное вино и, весь в радостном возбуждении, стал перед гостями пить.

Вскоре затем к ним стала медленно подходить ладья с высоким корпусом¹³, подошла и поплыла рядом с их ладьей. Взглянули в ее окно: там сидело двое или трое каких-то людей, которые играли за столом в шахматы¹⁴ и раскатисто хохотали.

Гость взмахнул чаркой и сказал, подав ее деве:

– Это втяни! Милую я провожаю!

Пока дева пила, Пэн, весь в любовном томлении, ходил возле нее взад и вперед, охваченный одной лишь страшщей его мыслью, что она уйдет. Он тронул ее ногой, и дева косою

¹³ ...ладья с высоким корпусом. – Эти лодки-дома убираются к вечеру с большою пышностью и плывут по местам, прославленным своею красотой, давая возможность пирующим наслаждаться всем, чем только можно.

¹⁴ ...играли... в шахматы. – Китайские шахматы бывают двух родов: «слоновые», приблизительно напоминающие наши, и «облавные» – с большим количеством фигур и с малосхожими движениями. Последний тип шахмат считается особо замысловатым, и на каждую партию затрачивается бесконечное число часов.

волною очей послала ему взгляд, от которого Пэн взволновался страстью еще пуще прежнего. Он требовал назначить срок следующему свиданию.

– Если вы любите меня, – сказала дева, – вы только спросите и назовите имя Цзюаньнян... Не найдется меня не знающих!

Гость сейчас же взял у Пэна шелковый платок и передал его деве.

– Вот я за вас назначу срок, – сказал гость, – пусть это будет через три года!

С этими словами он поднялся с места, посадил деву к себе на ладонь и произнес:

– О фея! О фея!

И сейчас же ухватился за окно соседней ладьи и втолкнул в него деву. Отверстие окна было всего в несколько дюймов, так что дева продвигалась, распластавшись и извиваясь, как змея, но не чувствовалось, чтобы ей было узко.

И вдруг с соседней ладьи послышался голос:

– А, Цзюаньнян пробудилась!

И сейчас же лодка заработала веслами и отплыла. Затем, уже издали, было видно, как она дошла до места и остановилась. Видно было также, как люди вышли из лодки нестройной толпой и исчезли.

Настроение у пловших сразу упало, и Пэн стал говорить со своим гостем о том, что ему хотелось бы выйти на берег и вместе с ним посмотреть, как там и что.

Только что они стали это обсуждать, как ладья сама собой уже причалила. Вышли из лодки и резвым шагом стали от нее уходить.

Пэну показалось, что он прошел уже ли с чем-то, как подошел отставший гость. Он подвел к Пэну коня и дал ему держать его, а сам сейчас же опять ушел.

– Подождите, – сказал он, – я займу еще пару коней и приду опять.

Прошло порядочное время, а он все не появлялся. Прохожие стали уже редеть. Пэн взглянул на небо: косая луна уже катилась к западу, и цвет неба шел к утренней заре.

Куда пошел Цю, ему было неизвестно. Он держал коня и ходил с ним взад и вперед, не имея определенного решения: не то двигаться дальше, не то идти назад. И так, с поводьями в руках, он дошел до места, где причалила ладья, но и сама ладья, и гость уже исчезли.

Пэн подумал теперь, что в его поясном мешке¹⁵ совершенно пусто, и при этой мысли ему стало еще тоскливее. А небо уже сильно светлело, и при свете утра он увидел, что на коне лежит небольшой кошелек с накладным узором. Посмотрел, что в нем, и нашел там лана три-четыре. Купил себе поесть и стал терпеливо ждать.

Пэн не заметил, как дело уже подошло к полудню. Тогда он решил, что, пожалуй, лучше всего будет пока что разуз-

¹⁵ ...в его поясном мешке. – В поясе, поддерживающем штаны, был карман для громоздких китайских денег и для кусков серебра.

нать о Цзюаньнян, а там уже потихоньку можно будет собрать сведения о Цю. Решив так, стал спрашивать, называя всем имя Цзюаньнян, но таковое было никому не известно. Настроение у него стало все хуже, безрадостнее. На следующий день он поехал дальше.

Конь был смирный, хороший. На его счастье, он не хромал и не слабел, но вернулся Пэн домой только через полмесяца.

Когда все трое сели в ладью и поднялись в воздух, мальчик, прислуживавший в кабинете Пэна, пришел в дом, где жила семья, и доложил, что барин исчез, как ангел. В семье стали плакать и причитать: думали, что он уже не вернется. И вдруг Пэн привязал коня и входит в дом... Семья была радостно поражена, столпилась вокруг него, принялась расспрашивать, и наконец-то Пэн рассказал им подробно о всей этой приключившейся с ним небывальщине.

Однако, рассказывая, он подумал, что ведь он вернулся-то в свое село и к своим колодцам один. А вдруг да семья Цю начнет дознаваться, как это так случилось! Ему стало при одной этой мысли страшно, и он запретил своим домашним что-либо распространять.

Во время рассказа Пэн упомянул о том, как у него появился конь. Публика гуртом пошла в конюшню посмотреть на коня, подарок святого чародея. Пришли – а конь вдруг куда-то исчез. Остался только Цю. Он был привязан к яслям соломенной крутенкой.

В крайнем изумлении от этого зрелища побежали к Пэну,

зовя его выйти посмотреть. И Пэн увидел, что Цю стоит, опустив голову в колоду, с лицом мертвым, как пепел. Пэн задал ему вопрос, тот не ответил, и только два глаза его то открывались, то закрывались. Больше ничего...

Пэн совершенно не мог вынести этого зрелища, отвязал Цю и положил его на кровать. А Цю лежал, словно лишившись и души и дыхания. Стали вливать ему суп, вино – он понемногу уже мог глотать. Наконец среди ночи начал слегка оживать и вдруг остро захотел лезть на рундук. Пошли с ним, поддерживая и помогая: он положил там несколько кусков конского кала...

Покормили его еще, попоили – и наконец он смог говорить. Пэн подошел к кровати и стал его подробно расспрашивать.

– Как только мы сошли с ладьи, – рассказывал Цю, – этот самый человек отвел меня поговорить с ним. Мы пришли в какое-то совершенно безлюдное место, и он в шутку хлопнул меня по затылку. И вдруг я потерял сознание, почувствовал томление и свалился с ног. Полежав так ничком, через некоторое время я очнулся, оглянул себя: а я, оказывается, уже стал лошадю. Я все ясно понимал, только не мог говорить... Эта, знаете, история – большое для меня унижение, стыд и срам... В самом деле, нельзя, скажу я вам, доводить об этом до сведения моей семьи... Умоляю вас: не выдавайте меня!

Пэн обещал. Велел заложить повозку с верховым и быстро поехал провожать его домой.

С этих пор Пэн так и не мог забыть своего чувства к Цзюаньнян. И вот прошло еще три года. Воспользовавшись случаем, что муж сестры служил в Янчжоу¹⁶, он направился туда навестить их. В этом городе жил один человек известной семьи, некий Лян, находившийся в связях с Пэнами. Как-то раз он дал обед и пригласил Пэна с ним выпить.

За столом появилось несколько гетер-певиц... Все они подходили и почтительно представлялись гостям. Лян спросил, куда делась Цзюаньнян. Слуги доложили, что она больна. Хозяин разгневался.

– Эта девчонка, – кричал он, – зазналась, цену сама себе вздувает!.. Веревкой связать ее и сюда привести!

Пэн, услышав имя Цзюаньнян, поразился этим и спросил, кто она такая.

– А это – веселая дама, – сказал хозяин, – певичка. Но она, скажу вам, – первая во всем Гуанлине. Теперь, изволите ли видеть, у нее завелась кое-какая известность, – так, не угодно ли, сейчас уж и зазналась, сейчас уж и неприлично себя ведет!

Пэн решил, что совпадение имени в данных обстоятельствах совершенно случайно. Тем не менее сердце екало «тук-тук», и его охватывало нетерпение: страстно захотелось хоть раз на нее взглянуть.

Вскоре пришла и Цзюаньнян. Хозяин обеда принял ее

¹⁶ ...служил в Янчжоу – недалеко от места событий, происходивших семь лет тому назад на юге Китая.

отчитывать и журить. Пэн внимательно ее рассматривал: так и есть, она самая – та, которую он видел тогда, в середине осени.

– Она, знаете, мне давно знакома, – сказал Пэн хозяину. – Сделайте мне одолжение, простите ее великодушно!

Цзюаньнян тоже пристально посмотрела на Пэна и, по-видимому, тоже была поражена.

Лян не нашел времени во все это вникать, а просто велел всем сейчас же взяться за чарки и действовать.

– А помните ли вы еще, – спросил Пэн, – песню про беспутного молодца или уже забыли?

Цзюаньнян все больше и больше пугалась. Уставилась в Пэна глазами и только по прошествии некоторого времени стала петь известную уже Пэну песню. А он слушал этот голос – и тот так живо ему напомнил ту самую осень!

С вином покончили, и хозяин велел ей услужить гостю в спальне. Пэн схватил ее за руку и сказал:

– Неужели ж, наконец-то, сегодня происходит наше свиданье, условленное три года тому назад?

Цзюаньнян принялась рассказывать.

– Как-то давно, – говорила она, – я с некоторыми людьми плыла по Западному озеру. Не выпила я и нескольких чарок, как вдруг словно опьянела и в этом мутном состоянии кем-то была взята под руку и поставлена среди деревни. Вышел мальчик, ввел меня в дом, где за столом сидело трое гостей...

Так вы, сударь, один из них, не правда ли? Затем мы сели

в ладью и прибыли на Западное озеро. Там меня через окно вернули обратно. Меня вы нежно-нежно держали за руку... А я потом все время силилась это вспомнить, но говорила себе, что это только сон. Но, между прочим, шелковый платочек явно был при мне, и я, знаете, его все время берегу, как говорится, за десятью прокладками!

Пэн рассказал ей, в свою очередь, как было дело, и оба от удивления только и делали, что вздыхали.

Цзюаньнян припала к нему всем телом на грудь и зарыдала.

– Святой чародей, – говорила она, – уже был нам милым сватом. О сударь, не смотрите на меня, как на вихревую пыль, которую можно только бросить, и не переставайте помнить о женщине, живущей в море скорбей и мук!

– Ни дня не прошло, – отвечал ей Пэн, – чтобы у меня из сердца уходило то, что было сказано и условлено тогда в ладье. Если бы ты, милочка, только пожелала, то я не пожалел бы для тебя потоком опорожнить мошну, даже коня продал бы!

На следующий день он довел об этом до сведения Ляна, занял у своего служилого родственника и за тысячу лан вымарал ее из списков гетер. Забрал с собой и приехал с ней домой. Как-то они зашли с нею в его загородный дом. Там она все еще могла узнать, где они в тот год пили.

Писавший эту странную историю скажет так:

Лошадь – и вдруг человек! Надо полагать, что и чело-

век-то был... лошадь!

Да если б он и был настоящей лошадыю, было бы, право, жаль, что он не человек!

Подумать только, что и лев, и слон, и журавль, и Пэн¹⁷ – все терпят от плетки и палки...¹⁸ Можно ли сказать, что божественный человек не обошелся с ним еще милостиво и любовно?

Назначить срок в три года... Тоже своеобразная, как говорят, «переправа через море страданий»!¹⁹

¹⁷ ...пэн – баснословных размеров птица из китайских притчей поэта-философа Чжуан-цзы.

¹⁸ ...терпят от плетки и палки – то есть подчиняются воле святых подвижников.

¹⁹ ...«переправа через море страданий» – буддийское выражение идеи спасения, напоминающее христианский образ «житейского моря» и «тихого пристанища».

Хэннян о чарах любви

Хун Дао жил в столице. Его жена из рода Чжу обладала чрезвычайно красивой наружностью. Оба они друг друга любили, друг другу были милы. Затем Хун взял себе прислугу Баодай и сделал ее наложницей. Она внешностью своей далеко уступала Чжу, но Хун привязался к ней. Чжу не могла оставаться к этому равнодушной, и друг от друга отвернули супруги глаза. А Хун, хотя и не решался открыто спать ночью у наложницы, тем не менее еще более привязался к Баодай, охладев к Чжу.

Потом Хун переехал и стал соседом с торговцем шелками, неким Ди. Жена Ди, по имени Хэннян, первая, проходя через двор, посетила Чжу. Ей было за тридцать, и с виду она только-только была из средних, но обладала легкой и милой речью и понравилась Чжу. Та на следующий же день отдала ей визит. Видит – в ее доме тоже имеется, так сказать, «маленькая женочка», лет этак на двадцать с небольшим, хорошенькая, миловидная. Чуть не полгода жили соседями, а не слышно было у них ни словечка брани или ссоры. При этом Ди уважал и любил только Хэннян, а, так сказать, «подсобная спальня» была пустою должностью и только.

Однажды Чжу, увидев Хэннян, спросила ее об этом:

– Раньше я говорила себе, что каждый «мил человек»²⁰ любит наложницу за то именно, что она наложница, и всякий раз при таких мыслях мне хотелось изменить свое имя жены, назвавшись наложницей. Теперь я поняла, что это не так... Какой, скажите, сударыня, вот у вас секрет? Если б вы могли мне его вручить, то я готова, как говорится, «стать к северу лицом и сделаться ученицею»²¹.

– Эх ты! – смеялась Хэннян. – Ты ведь сама небрежничаешь, а еще винишь мужа! С утра до вечера бесконечной нитью прожужжать ему уши – да ведь это же значит «в чащи гнать пичужек»²². Их разлука усиливает их чрезвычайно. Слетятся они и еще более предадутся своему вовсю... Пусть муж сам к тебе придет, а ты не впускай его. Пройдет так месяц, я снова тебе что-нибудь посоветую.

Чжу послушалась ее слов и принялась все более и более наряжать Баодай, веля ей спать с мужем. Пил ли, ел ли Хун хоть раз, она непременно посылала Баодай быть вместе с ним.

Однажды Хун как-то кружным путем завернул и к Чжу,

²⁰ ...«мил человек» – обычное название супруга.

²¹ ...«стать к северу лицом и сделаться ученицею». – Государь сидел, по ритуалу древнего Китая, лицом на юг, а придворные стояли лицом к нему, то есть на север. Точно то же, из крайнего уважения к учителю, столь характерного для Китая, делали в отношении его и ученики.

²² ...«в чащи гнать пичужек». – В книге «Мэн-цзы» находим: «В глубину вод кто гонит рыбу? – Выдра. – В чащи кто гонит пичужек? – Коршун. – К Тану и У (доблестным завоевателям) кто гнал народ? – Цзе и Чжоу (разбойники-цари)».

но та воспротивилась, и даже особенно энергично. Теперь все стали хвалить ее за честную выдержку.

Так прошло больше месяца. Чжу пошла повидаться с Хэннян. Та пришла в восторг.

– Ты свое получила, – сказала она. – Теперь ты ступай домой, испорти свою прическу, не одевайся в нарядные платья, не румянься и не помадься. Замажь лицо грязью, надень рваные туфли, смешайся с прислугой и готовь с нею вместе. Через месяц можешь снова приходить.

Чжу последовала ее совету. Оделась в рваные и заплатажные платья, нарочно не желая быть чистой и светлой, и, кроме пряжи и шитья, ни о чем другом не заботилась. Хун пожалел ее и послал Баодай разделить с ней ее труды, но Чжу не приняла ее и даже, накричав, выгнала вон.

Так прошел месяц. Она опять пошла повидать Хэннян.

– Ну, деточка, тебя, как говорят, действительно можно учить!²³ Теперь вот что: через день у нас праздник первого дня Сы²⁴. Я хочу пригласить тебя побродить по весеннему

²³ ...можно учить. – Слова древнего старца из «Исторических записок» Сыма Цяня, который, испытав терпение одного молодого человека, будущей знаменитости, обещал научить его высшей мудрости и действительно научил.

²⁴ ...праздник первого дня Сы – первый день под циклическим знаком сы в третьей луне. В этот день древний обычай велел отправляться на реку и с орхидеей в руках мыться, отгоняя все нечистое, накопившееся за зиму. Конфуций этот обычай весьма одобрял. Впоследствии стали пользоваться этим днем для больших собраний ученых стихотворцев, которые тут же, на берегу реки, слагали стихи, присуждали премии отличившимся и штрафовали вином плохих собратьев. Частый мотив в китайской поэзии.

саду. Ты снимешь все рваные платья и разом, словно высокая скала, восстанешь во всем новом: в халате, шароварах, чулках и туфлях. Зайди за мной пораньше, смотри!

– Хорошо, – сказала Чжу.

День настал. Она взяла зеркало, тонко и ровно наложила свинцовые и сурьмовые пласты, во всем решительно поступая, как велела Хэннян. Окончив свой туалет, она пришла к Хэннян. Та выразила ей свое удовольствие.

– Так, ладно, – сказала она и при этом подтянула ей «фениксову прическу»²⁵, которая стала теперь блестеть так, что могла, как зеркало, отражать фигуры.

Рукава у ее верхней накидки были сделаны не по моде. Хэннян распоролла и переделала. Затем, по ее мнению, фасон у башмаков был груб. Она в замену их достала из сундука заготовки, и они тут же их доделали. Кончив работу, она велела Чжу переобуться.

Перед тем как проститься с ней, она напоила ее вином и наставительно сказала:

– Когда вернешься домой и заметишь мужа, то пораньше запишись у себя и ложись. Он придет, будет стучать в дверь – не слушайся. Три раза он крикнет, можешь один раз его

²⁵ ...подтянула ей «фениксову прическу». – Феникс и его самка – самые любимые в Китае символы супружеского счастья. Женские головные украшения, особенно брачная шапка, изображают летящего феникса. Так было сначала принято для цариц и дворцовых дам, а потом мода, конечно, распространилась и на весь женский Китай. «Фениксова прическа» не только формой своей, но и шпильками, заколками и т. д. напоминает голову феникса.

принять. Рот его будет искать твоего языка, руки будут требовать твоих ног, на все это скупись. Через полмесяца снова придешь ко мне.

Чжу пришла домой и в ослепительном своем наряде явилась к мужу. Хун сверху донизу оглядывал ее; вытаращил глаза и стал радостно ей улыбаться, совсем не так, как в обычное время.

Поговорив немного о прогулке, облокотилась, подперла голову рукой и сделала вид, что ей лень. Солнце еще не садилось, а она уже встала и пошла к себе, закрыла двери и легла спать.

Не прошло и нескольких минут, как Хун и в самом деле пришел и постучал. Чжу лежала прочно и не вставала. Хун наконец ушел. На второй вечер повторилось то же самое. Утром Хун стал ее бранить.

– Я привыкла, видишь ли ты, спать одна... Мне непереносимо тяжело будет опять беспокоиться.

Как только солнце пошло к западу, Хун уже вошел в спальню жены, уселся и стал караулить. Погасил свечу, влез на кровать и стал любезничать, словно с новобрачной. Свился, сплелся с ней в самой сильной радости и, сверх того, назначил ей свиданье на следующую ночь. Чжу сказала: «Нельзя», – и положила с мужем для обычных свиданий срок в три дня.

Через полмесяца с небольшим она опять навестила Хэн-нян. Та закрыла двери и стала говорить.

– Ну, с этих пор можешь уже распоряжаться своей спальней одна и как угодно. Однако вот что я тебе скажу. Ты хоть и красива, но не кокетка. С твоей-то красотой можно у Западной Ши²⁶ отбить покровителя, а не только у подлой какой-нибудь!

Теперь она в виде экзамена заставила Чжу взглянуть вбок.

– Не так, – заметила она. – Недостаток у тебя в том, что ты выворачиваешь глаза.

Стала экзаменовать ее, веля улыбнуться, и опять сказала:

– Не так! У тебя плохо с левой щекой!

С этими словами она с осенней волной глаз послала нежность, а затем вдруг раскрыла рот, и тыквенные семена²⁷ еле-еле обозначились.

Велела Чжу перенять. Та сделала это несколько десятков раз и наконец как будто что-то себе усвоила.

– Ну, теперь ты иди, – сказала Хэннян. – Возьми дома в руки зеркало и упражняйся. Секретов больше у меня не осталось. Что касается до того, как быть на постели, то действуй сообразно обстоятельствам, применяясь к тому, что понра-

²⁶ ...у Западной Ши – Западная (по месту жительства ее родных) Ши (Сиши), знаменитая красавица древности. Пораженный ее красотой и особенно ее совершенно необыкновенным и мастерским кокетством, южный князь постарался воспитать в ней это умение до чрезвычайных размеров и затем... подослал к своему сопернику, которому она до того вскружила голову, что коварному князю ничего уже не стоило его разбить и захватить его владения.

²⁷ ...тыквенные семена – то есть белые зубы. Образ, известный еще древней, классической поэзии Китая.

вится... Это не из тех статей, которые можно передать на словах!

Чжу, придя домой, во всем стала действовать так, как учила Хэннян. Хун сильно влюбился, волнуясь и телом и душой, только и думая, как бы не получить отказа. Солнце еще только склонялось к вечеру, как он уже сидел у нее, любезничал и улыбался. Так и не отходил от двери спальни ни на шаг. И так, день за днем, это превратилось у него в обыкновение. Она, в заключение всего, так и не могла вытолкать его и прогнать.

Чжу стала еще лучше обходиться с Баодай. Каждый раз, устраивая в спальне обед, она сейчас же звала ее присаживаться вместе. А Хун смотрел на Баодай все более и более как на урода. Обед не кончился, а он ее уже выпроваживал.

Чжу обманным для мужа образом забиралась в комнату Баодай и запирала дверь на засов. Хуну всю ночь негде было, так сказать, себя увлажнить.

С этих пор Баодай возненавидела Хуна и при встречах с людьми сейчас же начинала жаловаться на него и поносить. Хуну же она становилась все более и более противна и выводила его из себя. Мало-помалу он стал доходить в обращении с ней до плетей и розог. Баодай разозлилась, перестала заниматься собой и нарядами, ходила в рваном платье и грязных туфлях; голова у нее была вроде ключев травы, так что уже нечего было считаться с ней, как с человеком.

Хэннян однажды говорит Чжу:

– Ну-с, как тебе кажется мой секрет?

– Основная правда, – отвечала Чжу, – конечно, в высшей степени очаровательна. Однако ученица могла идти по ней, а в конце концов так и не познать ее. Вот, например, что значило, как вы говорили, «дать им полную волю»?

– А ты разве не слыхала, что человеческому чувству свойственно тяготиться старым и восторгаться новым, уважать то, что трудно дается, и не ценить того, что легко? Муж любит наложницу, это необязательно значит, что она красива. Нет, это значит, что ему сладки внезапные захваты и манят счастьем трудно дающиеся встречи. Дай ему волю насытиться, и тогда жемчужины, скажем, и деликатесы и те надоедят; что ж говорить о похлебке из лопуха?

– А что значило: сначала замараться, а потом блистать?

– Ты отстала и не была на глазах; ему казалось, что наступила долгая разлука. Потом вдруг он увидел тебя в пышной красоте – и это было для него то же, как если б ты только что появилась. Смотри, например, как бедный человек, который вдруг получил рис и мясо, вдруг начинает смотреть на грубую крупу как на безвкусицу. Притом же ему нелегко давалось – и вышло, что она-де нечто старое, а я новость; она дается легко, а со мною трудновато. Это ведь и был твой способ поменять место жены на наложницу!

Чжу это очень понравилось, и обе стали задушевными подругами на своих женских половинах.

Прошло несколько лет. Вдруг она говорит Чжу:

– Мы обе с тобой чувством своим словно одна. Я, конечно, должна была не скрывать от тебя своей жизни и давно уже хотела тебе ее рассказать, но боялась, что ты потеряешь ко мне доверие. Теперь же, перед своим уходом и на прощание, я решусь сказать тебе все по совести. Я, видишь ли, лисица. В молодости своей мне пришлось пострадать от мачехи, которая продала меня в столицу. Муж мой, однако, обращался со мной великодушно и хорошо, так что я не решалась сейчас же с ним порвать и вот в полной любви дожидаясь до сего дня. Завтра мой старик отец начнет отделяться от своего трупа²⁸, и я пойду его повидать и больше сюда уже не вернусь.

Чжу схватила ее за руки и принялась горько вздыхать. Раню утром она отправилась повидать ее, но весь дом был в крайней тревоге и в смятении: Хэннян исчезла.

Автор этих странных историй сказал бы следующее:

Купивший жемчуг не ценил жемчуг, а ценил коробку²⁹.

Чувства к новому и старому, к трудному и легкому тако-

²⁸ ...старик отец начнет отделяться от своего трупа – то есть после смерти его труп начнет исчезать, как полагается бессмертному, перешедшему в это состояние после внешней смерти.

²⁹ Купивший жемчуг не ценил жемчуг, а ценил коробку. – Одна из притчей мыслителя III в. до н. э. Хань Фэй-цзы говорит, что некто продал другому человеку жемчуг, для которого он сделал коробку из мимозы, надушил ее пахучим перцем, обвил ее розами и перевязал изумрудным листом. Покупатель взял коробку, а жемчуг возвратил продавцу.

вы, что тысячелетия не могли разрушить эти заблуждения. Но именно среди них-то и удается проводить средства, как превратить ненависть в любовь.

Древний подлый министр, льстиво служа царю, не допускал его до людей, не давал ему взглянуть в книги³⁰.

Отсюда мне ясно, что для того, чтобы куда-нибудь втиснуться и укрепить там свой фавор, имеются способы особых традиций.

³⁰ ...не давал ему взглянуть в книги. – Евнух Чоу Шилян, служивший в IX в. тайскому государю У-цзуну, учил сотоварищей: «Смотрите, будьте осторожны: не давайте царю читать книги и приближаться к ученым-книжникам, а то, как только он увидит, в чем было процветание и где была гибель царств и династий, он ошутит в сердце тревогу – и нас всех казнит».

Чжэнь и его чудесный камень

Чаньяньский чиновник Цзя Цзылун, проходя случайно по соседнему переулку, увидел какого-то незнакомца, обладавшего живым, элегантным духом. Спросил, кто такой. Оказалось: студент Чжэнь из Сяньяна, снявший здесь временное помещение. Цзя всем сердцем увлекся им и на следующий же день пошел занести ему свой визитный листок. Студента как раз он не застал. Заходил после этого еще три раза – и все не мог его поймать. Тогда он тайно отправил своего человека подсмотреть, когда Чжэнь будет дома, и затем пошел к нему. Чжэнь притаился и не выходил к нему. Цзя пошел шарить по дому, и наконец Чжэнь вышел. Прижали друг к другу колени, изливаясь в беседе. Поняли друг друга и очень полюбили.

Цзя явился в гостиницу и послал мальчика за вином. Чжэнь, вдобавок ко всему, оказался умелым выпивалой, причем ловко острил. Обоим было очень весело и приятно. Когда вино уже готово было кончиться, Чжэнь поискал в своем сундучке и достал оттуда сосуд для выпиванья. Это была яшмовая чарочка без дна. Чжэнь влил в нее чарку вина, глядь: она полна через край! Тогда он взял чарку поменьше и стал ею вычерпывать в чайник. И сколько он ни черпал, вино в чарке нисколько не убывало.

Цзя подивился и стал настойчиво выспрашивать у него

тайну.

– Я, знаете, не хотел свиданья с вами, – сказал Чжэнь, – и это вот почему: у вас никаких иных недостатков нет, кроме еще не очищенного алчного сердца. А это – тайное средство бессмертных людей. Могу ли я его вам передать?

– Что за несправедливость! – воскликнул Цзя. – Да разве я жадный человек? Если и рождаются где-то во мне по временам мечты о роскоши, то только оттого, что я беден!

Посмеялись и разошлись.

С этих пор стали заходить друг к другу без перерыва, совершенно забывая, кто к кому. Но каждый раз, как Цзя случилось бывать в затруднительном положении, Чжэнь сейчас же доставал кусок какого-то черного камня, дул и наговаривал над ним, потом тер им о черепки и обломки, которые сейчас же превращались в серебро. И он дарил это серебро Цзя, причем только-только, чтобы тому хватало на расходы, – никогда больше, ничего лишнего. Цзя же всегда просил прибавить.

– Говорил же я, что ты жаден! Ну что это такое? Ну что это такое?

Цзя был убежден, что если ему говорить открыто, то дело ни за что не удастся, и принял решение воспользоваться его пьяным сном, чтобы украсть камешек и затем предъявлять ему требования. И вот однажды, после того как они напились и легли, Цзя тихонько поднялся и стал шарить в глубине одежды Чжэня. Тот заметил.

– Ты, скажу тебе теперь по правде, – промолвил он, – погубил свою душу. Нельзя тут жить!

Простился с ним и ушел; нанял себе другое помещение.

Прошло этак с год. Цзя гулял как-то на берегу реки; заметил камень, блистающий, весь чистый, необыкновенно напоминающий вещицу студента Чжэня. Подобрал и стал беречь, как драгоценность и сокровище.

Через несколько дней вдруг к нему пришел Чжэнь с удрученным видом, словно у него случилась какая-то потеря. Цзя выразил ему сочувствие и ласково стал спрашивать.

– То, что ты видел у меня, помнишь, прежде, – был камень бессмертного для превращения в драгоценный металл. В те давние дни, когда я дружил и странствовал с Баочжэнь-цзы³¹, он полюбил меня за твердость и стойкость; подарил мне эту вещь. А я в пьяном виде ее потерял. Погадав тайно, я открыл, что она должна быть у тебя. Если ты сжалишься надо мной, как, помнишь, в истории с «возвращением пояса»³²

³¹ *Баочжэнь-цзы* – прозвание даоса-алхимика, означающее «Мыслитель, обьяввший истину».

³² *Если ты сжалишься надо мной, как, помнишь, в истории с «возвращением пояса»...* – Некая женщина, желая задобрить высокопоставленное лицо древности, случайно зашедшее в какой-то храм, оставила там, как бы забыв, три драгоценных пояса. Сановник вернул их ей. Гадатель, обсуждая этот случай, отказался от прорицания и нашел, что тут действуют какие-то тайные, наследственные доблестные силы души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.